

САЗОНОВ АНАТОЛИЙ ЕФИМОВИЧ

Член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки РФ, академик Российской академии транспорта, почетный член Российской академии навигации и управления движением, почетный профессор Варненского технического университета (Болгария), доктор технических наук, профессор, основатель и первый начальник кафедры автоматизации и вычислительной техники в морских ВУЗах страны, выпускник гидрографического факультета ВАМУ им. адм. С. О. Макарова 1952 г.

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ. ГОРНЫЙ ИНСТИТУТ. ВЫСШЕЕ АРКТИЧЕСКОЕ МОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ (ВАМУ)¹

После окончания в 1947 году десятого класса встал вопрос, что делать дальше, в какой институт поступать. Мои родители хотели, чтобы я продолжил учиться и обязательно получил высшее образование. Сами они систематического образования не имели. Мама умела достаточно грамотно писать и читать. Моя тетя вообще не могла ни читать, ни писать. Папа, как он рассказывал, только два года учился в деревенской сельской школе. Был самоучкой. Читал и писал он грамотно. Всего в жизни они достигли своим умом, трудом и терпением.

Мои школьные друзья, Жора Уханов и Саша Резник, решили поступать в Высшее арктическое морское училище, а Юра Иванов - в Ленинградский университет на физический факультет. Я решил поступать на судоводительский факультет Ленинградского высшего мореходного училища. Трудно сейчас сказать, хорошо или плохо, но получить в результате сдачи вступительных экзаменов проходной бал мне не удалось.

Я забрал документы и отправился в Горный институт, где принимали на некоторые факультеты с моим проходным баллом. Меня приняли на горный факультет.

Начались занятия. Каждое утро я должен был встать в шесть часов утра. Обычно будила мама. Электрички еще не ходили. Были паровозы. В каждом вагоне стояли буржуйки, которые топились углем. Время было голодное. Целый день приходилось ходить голодным. На почве недоедания у меня появились фурункулы. Их было много на руках, ногах и на теле. Была большая проблема сидеть на лекциях, так как фурункулы были и на самом неподходящем месте. Продукты были еще по карточкам. Чтобы покупать продукты в коммерческих магазинах денег не было. На углу Невского проспекта и Дворцовой площади за деньги продавали пивные дрожжи. Это было мое лекарство. Каждый день после занятий, прежде чем ехать на Финляндский вокзал, я ехал на Невский проспект и пил эти дрожжи. Думаю, что продажа пивных дрожжей в городе была организована специально с целью борьбы с этим распространенным в то время заболеванием. В Горном институте была самая большая в то время стипендия - 490 рублей. Несколько месяцев у нас с мамой это был единственный доход. Сначала занятия

¹ Из книги: Сазонов А. Е. Страницы памяти. Шестьдесят пять лет в морской академии. – СПб.: ГеоГраф, 2012. – 256 с.: ил.

шли успешно. Но с ноября месяца ввиду сложности жизни, а также попытками заработать деньги на перегрузке дров я начал пропускать занятия, что сказалось и на результатах моего обучения. Фактически больше двух месяцев я приходил на лекции и лабораторные занятия от случая к случаю. Однако к концу первого семестра мне удалось заставить себя собраться и во многом наверстать упущенное. Я был допущен к экзаменам.

Это, безусловно, была победа над самим собой. Все экзамены сдать мне удалось. А некоторые даже на оценку отлично. Так, например, на экзамене по химии мне пришлось рассказывать о теории относительности. Профессор, который принимал экзамен, поздравляя меня с успешной его сдачей, сказал «Молодой человек, если вы будете так заниматься, вам обеспечено будущее в науке!». Он мне поставил пятерку. Профессор не мог даже предполагать, что следующий экзамен по математике я сдам на три балла. К этому экзамену хорошо подготовиться я не успел. Получать тройку не хотелось. Однако большей оценки я и не заслуживал.

Жить нам с мамой становилось все труднее, денег на жизнь не хватало. Вернулся папа. Он был болен. Работать он не мог. Все ложилось на мамины плечи. Нужно было принимать какое-то решение. Я принял решение перейти в Высшее арктическое морское училище, где уже учились мои школьные друзья. Решение о приеме мог принять только начальник училища. Вспоминаю, как я попал к нему на прием. Начальником училища в те годы был известный полярник Василий Павлович Мелешко. Это был седовласый, красивый мужчина среднего роста, одетый в очень элегантный коричневый костюм. Он сидел за столом и курил трубку. Не могу понять до сего времени, почему он меня принял и зачислил курсантом на второй семестр первого курса гидрографического факультета. Скорее всего, видя этого долговязого, худого молодого человека, просто меня пожалел. Очевидно, так было суждено случиться. Так я оказался в ВАМУ. Такова моя судьба.

В те годы в Высшем арктическом морском училище работали известные ученые - профессора Артемий Павлович Ющенко, Георгий Сергеевич Максимов, Игорь Владиславович Максимов, Борис Михайлович Яновский и другие. Общеобразовательные дисциплины преподавали прекрасные преподаватели. Вспоминаю артистические лекции по физике, которые читал доцент Николай Александрович Маньков, оригинальные лекции по теоретической механике, которые читал профессор Воробьев (имя и отчество не помню), лекции по математике профессора Александра Васильевича Иванова. Этот преподавательский коллектив сложился еще до войны в Гидрографическом институте. В 1945 году этот институт вновь возродился, уже как Высшее арктическое морское училище.

В группе, в которую меня зачислили, уже учился мой школьный товарищ Саша Резник. Нас звали - «сестрорецкие». Я довольно быстро познакомился со всеми курсантами в нашей группе и стал равноправным ее членом. Начались занятия в новом для меня учебном заведении. Распорядок дня был следующий. В семь часов утра - подъем, затем физзарядка. Она была обязательной и проходила, если позволяла погода, зимой и летом на улице во дворе.

В восемь часов был завтрак. В девять часов начинались занятия. Днем был обеденный перерыв. В 17 часов начиналась самоподготовка. После самоподготовки в 20 часов был ужин. После ужина вечерняя прогулка строем до железнодорожного моста через Неву и обратно. Во время прогулки мы пели песни. В 23 часа был отбой. Перед отбоем ежедневно была вечерняя проверка. Мне выдали форму и все остальное обмундирование. Больше родителям не приходилось ежедневно думать о том, чем меня

накормить и как одеть. Кормили нас неплохо, и я быстро стал избавляться от своих фурункулов. Молодость побеждала. Меня поселили в кубрик. Там стояли двухъярусные кровати, и находилось вместе со мной двенадцать курсантов. Часто вспоминаю наш кубрик, теплые товарищеские отношения и удивительную способность оказать друг другу помощь в случае необходимости. За все время обучения я не могу вспомнить ни одного случая драки или воровства.

В училище не было большого физкультурного зала. Был только небольшой зал на первом этаже. Его размеры не позволяли создать нормальные условия для игры в волейбол. Несмотря на это, мы играли и даже принимали участие в городских межвузовских соревнованиях. Я играл за первую волейбольную команду училища. Вместе со мной в этой команде играл и мой еще школьный товарищ Жора Уханов. Вспоминаю игры с командами Университета и Высшего мореходного училища. Они всегда проходили очень азартно. Я также занимался бегом и лыжами. Моя дистанция для бега была 1500 метров. Вспоминаю свое последнее участие в соревнованиях на стадионе «Динамо» на Крестовском острове. Это было в 1951 году. Я только что вернулся после производственной практики. Естественно, что никакой предварительной тренировки быть не могло. Результат? Я прибежал самым последним. С тех пор я бегать перестал.

Большое внимание командование училища уделяло привитию курсантам любви к искусству. Организовывались очень интересные концерты. Некоторые я запомнил на всю жизнь. Так, в 1949 году был концерт артистов Московского художественного театра. Выступали такие знаменитые актеры, как Тарасова, Топорков, Станицын, Ливанов и другие.

Часто вспоминаю моих товарищей, вместе с которыми прошли мои годы в стенах училища. Трудно перечислить всех. Но о некоторых из нашего кубрика нельзя не сказать хотя бы несколько слов. Это, конечно, Исаак Файвилевич Резник, с которым мы учились еще в школе в девятом и десятом классах. Мы его всегда звали - Саша Резник. В нашем кубрике мы с ним спали на одной вертикали - он на первом, а я на втором этаже нашей двухэтажной кровати. Саша всегда был хорошим товарищем, а в трудных ситуациях умел сохранять спокойствие. К сожалению, на пятом курсе наши жизненные пути разошлись он попал на военный факультет, а я остался гражданским. Он дослужился до руководителя военной гидрографической службы Амурского бассейна и высокого воинского звания. Сейчас он переехал вслед за своими детьми в США и живет там.

До настоящего времени у меня сохраняются товарищеские отношения с Геннадием Константиновичем Чертовым, который всегда был и сейчас является олицетворением всего самого светлого и доброго во взаимоотношениях между нами - курсантами. Геннадий Чертов, имеет высокое воинское звание капитана первого ранга, защитил кандидатскую диссертацию и многие годы служил в одном из ведущих военно-морских научно-исследовательских институтов.

Вместе с ним в этом же институте служил и Александр Васильевич Царев, который, к сожалению, рано покинул нашу земную жизнь. Саша Царев очень хорошо учился в училище. Будучи на военной службе он дослужился до высокого воинского звания, защитил кандидатскую диссертацию, ему было присвоено почетное звание «Заслуженный изобретатель РСФСР».

Долгие годы на севере в полярной гидрографии работал Зигфрид Васильевич Липовка. Он прошел путь от инженера-гидрографа до начальника крупнейших на

побережье Северного Ледовитого океана гидрографических баз в бухтах Провидения и Тикси. Он и в настоящее время продолжает трудиться в Гидрографическом управлении.

Проектированием многих портов в России и за рубежом занимался Юрий Александрович Новиков. Его трудовая деятельность проходила в основном в Ленинградском морском научно-исследовательском и проектном институте. Юра Новиков, будучи еще курсантом, всегда отличался очень спокойным и целеустремленным характером с «философским подходом к жизни». Очевидно, что эти черты характера способствовали и способствуют его успехам на его жизненном пути.

Многие годы в Мурманском высшем инженерном морском училище работал профессор, доктор технических наук Борис Аркадьевич Вульфович. После окончания училища он по распределению работал на Севере на гидрографической базе в Певеке. Его трудолюбие и склонность к научной работе позволили ему в достаточно короткий период времени защитить кандидатскую и докторскую диссертации. Он стал одним из известных в нашей стране специалистом в области обработки астрономических навигационных измерений. В настоящее время он проживает в США, куда переехал вслед за своими детьми. Но каждый год он приезжает на полгода в Мурманск и читает лекции в училище, которому он отдал многие годы своей жизни.

С нами в кубрике жил Юля Федотов. Он был участником Великой Отечественной войны. Однако разница в возрасте не чувствовалась. Мы до конца его земных дней оставались друзьями и встречались. Юля Федотов после окончания гражданского отделения училища работал в полярной гидрографии и стал начальником гидрографической базы в городе Игарка.

На Балтике в военной гидрографии долгие годы служил Ариан Соколов. Он дослужился до высокого воинского звания и был награжден орденом за проводку крейсера «Киров» в сложных навигационных условиях.

К сожалению, многие мои товарищи по училищу оказались военными, и поэтому мне об их жизненном пути мало известно. Но я часто вспоминаю моих однокашников Феликса Похвалина, Виталия Орлова, Виктора Алексахина, Толю Иванова, Славу Генералова, Жору Гонина и многих других курсантов, вместе с которыми прошли мои годы обучения в училище. Многие из них учились не в нашей группе, но курсантская жизнь нас всегда объединяла. До настоящего времени у меня сохраняются дружеские отношения с Всеволодом Ильичем Пересыпкиным, который закончил гидрографический факультет на год позже меня, но всегда сохранял с нашим курсом товарищеские отношения. Будучи от природы одаренным человеком, он за годы своей службы в Гидрографическом управлении ГУСМП стал его начальником. В последующем он стал директором Центрального научно-исследовательского института морского флота. Несмотря на свою большую занятость, он защитил кандидатскую, а позднее, и докторскую диссертации.

Я уже писал, что наши группы формировались из школьников, которые только что закончили десять классов и из фронтовиков, которые прошли войну и были демобилизованы после ее окончания. На одном курсе со мной, только в другой группе, учился Герой Советского Союза Аркадий Шестаков, который во время войны был командиром взвода и получил эту высокую награду за форсирование реки Западная Двина. О его судьбе после окончания училища, к сожалению, ничего не знаю. Только в воспоминаниях моего аспиранта Виктора Житникова я прочитал о его встречах с Аркадием Шестаковым в шестидесятые годы на реке Колыма, где они оба работали в изыскательских партиях. До сего времени, но, к сожалению, все реже и реже (годы берут свое), приходится встречаться с Жорой Вафиади и Димой Янутш, которые также всю

войну были на фронте. После окончания училища они успешно работали, первый - в полярной гидрографии на севере, второй - в организациях Российской академии наук. Нашим командиром взвода был тоже бывший фронтовик Володя Рябов. Вспоминаю его, как хорошего товарища и справедливого командира. О его судьбе после окончания училища мне ничего неизвестно.

Были и курьезные случаи. Этот случай произошел, когда я учился уже на третьем курсе. Мы с моим другом Сашей Резником решили пойти на эстрадный концерт в Дом культуры промкооперации на Кировском проспекте. Но денег, как всегда, у нас не было. И нужно было пробраться нелегально. Нашли во дворе какое-то отверстие в окне и пролезли. Оказались в коридоре. В коридоре было темно и только, где-то в его конце, тускло, светилась лампочка. Раздался возглас: «Опять пролезли». Очевидно, мы были не первые, кому удалось воспользоваться эти «парадным входом». Мы побежали по коридору. Коридор поворачивал. После поворота было много света. Неожиданно мы оказались на сцене. Выступал Аркадий Райкин. Нужно было принимать решение. Впереди сцена и Аркадий Райкин. За нами преследователи, и ничего приятного от них мы не могли ожидать. На мгновение мы замерли. Решение созрело - только вперед! Мы побежали через сцену. Пришлось бежать за спиной Аркадия Райкина. Наверное, он был очень удивлен нашему внезапному появлению. Естественно, спросить его мы не успели. Извиниться тоже. Наши преследователи оказались более порядочными людьми. Бежать за нами через всю сцену они не решились. Мы были спасены. Все дальше было просто. Свободные места мы нашли и концерт посмотрели.

Второй случай, о котором всегда вспоминаю с юмором, произошел со мной, когда я учился уже на четвертом курсе. Несмотря на существовавшую строгую дисциплину, молодость побеждала, и мы, конечно, умудрялись ее нарушать. В то время я часто очень поздно задерживался на Петроградской стороне, на улице Блохина в гостях у Киры Чесноковой, девочке с которой, как я уже писал, мы вместе учились в школе. После 24 часов добираться до Охты было сложно. Трамваи уже часто не ходили. Приходилось добираться пешком. И добирался. Часто возвращался уже около часа ночи, а иногда и позже. Через проходную проходить было нельзя. Там был дежурный офицер, а, следовательно, последует наказание. Приходилось перелезть через забор. Забор в те годы был деревянный. В ту ночь, а время было далеко за полночь, я перелез через забор и прыгнул. Передо мной стоял начальник училища Владимир Николаевич Кошкин. Начальник училища не успел сказать даже слова: «Товарищ курсант ». Я, как обезьяна, вновь мгновенно обратно перелез через забор. Уже позже, когда я стал заместителем Владимира Николаевича, его спросил, а помнит ли он этот случай. Он сказал, что помнит. Ну и мы, конечно, оба рассмеялись.

Были по молодости и необдуманные поступки. Как-то мы с Сашей Резником возвращались поздно в субботу с какого-то вечера. Доехали на трамвае до площади Александра Невского и решили прейти Неву по льду. В те годы моста Александра Невского еще не было. Зима была холодная и Нева замерзала. Многие жители района Малая Охта добирались до дома этим путем. Пошли и мы. Была натоптанная тропинка. Когда мы почти дошли до правого берега Невы, лед подо мной треснул, и я оказался в воде. Саша шел первым и успел пройти это место удачно. Я оказался полностью под водой. Течение тянуло меня под лед. Господь меня сберег. Мне удалось вынырнуть и выбросить руки на лед. Лед оказался достаточно крепким и не треснул. Удалось на него выползти. Училище было рядом. Я сразу же пошел в санчасть. Дежурная сестра дала мне выпить разведенного спирта и отправила меня в горячий душ. Одежду повесили на

батареи сушиться, а меня уложили под несколькими одеялами в кровать. Слава Богу, все обошлось.

На втором курсе мне пришлось познакомиться с гауптвахтой. Была такая вто время в училище. Причина была достаточно обычная. То ли я опоздал в понедельник в Александровской на поезд, то ли просто проспал. Так или иначе, я прибыл в училище только к полудню. Нелегально пробраться не удалось. Встретил меня наш командир роты подполковник Штриков. Он меня и отправил на два дня на гауптвахту. Гауптвахта располагалась в подвале. Там я встретил Сергея Преображенского. Он был старше меня. Был участником Великой Отечественной войны и за военные подвиги был награжден двумя орденами Красного Знамени. Наказан он был за то, что явился в училище в пьяном виде. Во время войны он был разведчиком. Я с большим интересом слушал его военные рассказы. Он был интересным собеседником. Через два дня меня освободили, и «папа Штриков» сказал, что я еще слишком молод, чтобы нарушать дисциплину. Мы очень любили нашего командира, он был прекрасным воспитателем и очень справедливым человеком. Спасибо ему за это.

Особое место в процессе обучения занимали учебные и производственные практики. После окончания первого курса мы в июне 1948 года должны были пройти учебную практику по топографии и морскому делу. Учебная база нашего училища расположена на бывшей финской территории на острове Ти- уринсаари. Позже он получил название - Западный Березовый. Этот остров расположен в районе пролива Бьеркезунд и вместе с островами Большой и Северный Березовые (ранее они носили название Бьерке и Пиисаари) составляет группу островов, которые отделяют этот пролив от Финского залива. Это очень красивые острова, покрытые сосновыми лесами, берега которых имеют различный характер. Можно встретить, как песчаные пляжи, так и величественные гранитные валуны. В прежние времена на этих островах располагались финские деревни. На нашем острове их было две - северная и южная. В 1948 году еще оставались финские дома. Южная деревня, судя по характеру домов, была более богатой, чем северная. Наша база располагалась на территории северной деревни, где тоже сохранилось несколько ветхих домиков, которые занимали наши преподаватели. Из местных жителей была только одна семья. В южной деревне дома сохранились лучше. Очевидно, в этой деревне жили более обеспеченные жители. Деревни соединяла обычная проселочная дорога. Приблизительно на половине пути между деревнями была небольшая бухта с пирсом. На берегу этой бухты было самое большое здание на острове. Очевидно во времена, когда на острове жили финны, там была школа и возможно администрация острова. В годы нашего пребывания на острове в этом здании была погранзаезда. После войны на мористом берегу острова располагалась береговая батарея, от которой оставались только капониры и остатки рельсовой дороги, которые соединяли пирс с местом ее установки. Пирс носил название - батарейный. Наиболее крупная деревня была на острове Бьерке, где был рыболовецкий колхоз. Остатки крупной финской деревни, которая еще хорошо сохранилась, находились на острове Пиисаари. Мы часто посещали этот остров и бродили по этой деревне. До сего времени у меня хранится найденная здесь карта Финляндии, изданная в 1942 году. Год издания карты свидетельствует о том, что во время второй мировой войны финны вернулись в эту деревню и жили в этих домах. В настоящее время, насколько мне известно, сохранился поселок только на острове Бьерке. В 1948 году на этом острове сохранялось еще несколько больших старинных дач, которые, думаю, были построены жителями Петербурга еще до 1917 года. Одна из них, большая белая дача, находилась недалеко от пролива, разделяющего острова Большой и Северный Березовые. Эту дачу все называли

«дачей Маннергейма». В те годы все красивые сохранившиеся после войны на Карельском перешейке дачи называли «дачами Маннергейма». Конечно, это были фантазии, в действительности этого не было.

Это была моя первая учебная практика и, конечно, для меня все это было интересно. От Ленинграда до Койвисто (сейчас это город Приморск) в те годы, как и сейчас, ходил дизельный поезд. Приморск в те годы был очень маленьким поселком, в котором сохранилось всего несколько деревянных домов. Единственной его достопримечательностью была большая и очень высокая кирха. Она стоит на высоком холме, и ее можно наблюдать на большом расстоянии. В кирхе располагался поселковый клуб. До прихода катера мы побывали в этом клубе и даже забрались на башню, где уже к существующим автографам и различным надписям добавили и свои. Мне неприятно это вспоминать, но что было, то было. Расстояние от Приморска до нашего острова небольшое, и мы быстро его преодолели. Разместили нас в палатках, которые нам самим и пришлось устанавливать. Все нам нравилось, кормили нас на камбузе, который располагался под навесом. Голодными мы не были, но есть всегда хотелось. В рационе нашего питания на острове нам не хватало десерта. Чтобы восполнить этот недостаток мы ходили на мористый берег, где в это время поспела малина. Ее было так много, что хватало абсолютно всем. До сего времени я ощущаю вкус этой спелой дикой малины.

Был июнь месяц, было тепло, и в светлое дневное время ветерок с залива приносил приятную прохладу. Но мы еще не знали, что он нас будет спасать и от других неприятных минут. Наступили сумерки. Нас построили на вечернюю проверку. Мы должны были стоять на месте. И тут-то начиналось комариное нашествие. Огромное количество комаров набросилось на нас. Мы их отгоняли, но это нас не спасало. А командир роты все говорил и говорил. Остановить его было невозможно. Как мы потом узнали, он учился заочно на юридическом факультете и, очевидно, готовил себя к профессии адвоката. Свои выступления он называл «реляциями». Следующие испытания начались в палатках. Спасаясь от комаров, мы на голову надевали наволочки. Но комары пробирались и туда. Раскрыться ночью было невозможно. Постепенно нашествие комаров уменьшилось, а может быть мы стали просто привыкать. Но первые дни мне запомнились на всю жизнь.

После первого курса практика проходила по морскому делу и топографии. По топографии мы занимались мензульной съемкой. Руководил этой практикой прекрасный преподаватель Константин Николаевич Терпугов. Морское дело вел капитан дальнего плавания Васильев. Особенно мне запомнились трехдневные походы на восемнадцати весельных ялах в Выборг. Шли мы под парусами и только иногда в узких местах или при отсутствии ветра переходили на весла. Это было мое второе посещение Выборга. Первый раз я был в Выборге на соревнованиях по легкой атлетике от школы в 1946 году.

Второй раз мне пришлось проходить практику на этом острове в 1949 году после окончания второго курса. Практика проходила по гидрографии и геодезии. Кроме этих практик у нас была небольшая по времени плавательная практика на учебном паруснике «Профессор Визе». По геодезии мы занимались геодезическим обеспечением промерных работ, а по гидрографии их выполнением. Промерные работы мы выполняли на прекрасных катерах немецкой постройки, которые назывались фишкюттерами, то есть рыболовными катерами. В те годы эхолотов на них не было. Поэтому промер выполнялся с помощью ручного лота или рыбалота, который имел форму рыбы и буксировался за катером. Руководили практикой прекрасные преподаватели, опытные производственники Леонид Александрович Иванов и Иосиф Александрович Богданов.

Плавательная практика на паруснике «Профессор Визе» проходила не более трех недель и ограничивалась акваторией Финского залива. Капитаном нашего парусного судна был очень опытный парусный капитан Владимир Венедиктович Васильев. Он был всегда аккуратно одет, а в его зубах всегда была трубка. К нашему острову «Профессор Визе» подходить не мог. Поэтому посадка и высадка курсантов осуществлялись на рейде в проливе Бьеркезунд. Для нас эта практика была очень интересной. Мы с большим удовольствием выполняли все операции по установке парусов. «Профессор Визе» имел три мачты с косым вооружением. Поэтому управлять парусным вооружением было значительно легче, чем на парусниках с прямым вооружением. Прямым парусным вооружением в настоящее время оснащено, например, принадлежащее нашей академии учебное парусное судно «Мир». Однако подниматься по вантам во время даже небольшой качки было вначале нашего плавания страшно. Размещались мы в носовой части корпуса в большом кубрике, по бортам которого были расположены койки. Запомнилось посещение острова Гогланд. Этот остров расположен в Финском заливе. Остров очень красивый с очень небольшой, но очень уютной, бухтой. Сам остров порос сосновым лесом. В те годы еще сохранились остатки старых финских поселений.

Последний раз мы с женой были на острове Западный Березовый в 70-х годах, когда на нем проходил учебную практику наш сын Андрей, который в то время учился на судоводительском факультете. За прошедшее к этому моменту время на острове мало, что изменилось.

На третьем курсе нас для прохождения военно-морского сбора направили на север на базу Северного флота в поселок Полярное. Сбор продолжался месяц или два. Точно я не помню. В поселке Полярное располагалась база подводных лодок. Поселили нас на корабле «Печора», который служил плавбазой для экипажей подводных лодок. Это была бывшая плавбаза для экипажей немецких подводных лодок. Она была передана нашей стране по репарациям после окончания войны в 1945 году. Жили мы в большом носовом кубрике и спали в гамаках. Изучали мы устройство подводных лодок. Каждый из нас нес вахту. Мое место было в аккумуляторном отсеке плавбазы. Здесь хранились резервные аккумуляторы для подводных лодок. Несколько раз мы выходили на учения в Баренцовом море. В отличие от настоящего времени в те годы военно-морской подготовке в училище уделялось много внимания.

На третьем курсе лекции по девиации магнитных компасов нам читал доцент Валентин Петрович Кожухов. В дальнейшем он стал профессором, доктором технических наук и многие годы был заведующим кафедрой судовождения. В моей жизни Валентин Петрович значил очень многое. Во время сдачи зачета или экзамена (точно не помню) он предложил мне принять участие в работе научного кружка по навигации, которым он руководил. Меня это предложение заинтересовало, и я стал посещать заседание кружка. Он предложил мне заняться исследованием необходимой точности расчета поправки за кривизну изображения ортодромии (ортодромической поправки) в зависимости от точности взятия радиопеленга и широты места. В опубликованной ранее в «Записках по гидрографии» статье в 1940 году профессор Н. Н. Матусевич рекомендовал при расчете этой поправки учитывать только первый член разложения в ряд. При этом он исходил из точности радиопеленгования 1,5 градуса. На момент же моего исследования точность радиопеленгования уже достигла 0,5 градуса. Я выполнил все расчеты и показал, что в этом случае необходимо учитывать и второй член разложения в ряд. О результатах моих исследований я сделал доклад на научной конференции научного общества курсантов. Это было очень небольшое исследование и, возможно, о нем не было бы смысла и упоминать, но оно в моей научной жизни было

первым. В процессе моей работы Валентин Петрович очень внимательно за ней следил и давал мне нужные советы. Благодаря этому известному ученому и преподавателю я сделал свои первые шаги в мире морской науки и, как оказалось, на всю жизнь.

Среди наших преподавателей, к которым должны быть обращены слова нашей благодарности, одно из особых мест занимает Артемий Павлович Ющенко.

Впервые, я увидел Артемия Павловича Ющенко на четвертом курсе, когда он начал нам читать лекции по дисциплине «Способ наименьших квадратов». Познакомился же я с ним (если это можно назвать знакомством) на экзамене по этой дисциплине, который он у нас принимал. Артемий Павлович был великолепным лектором. Его лекции были очень содержательными, и мы с удовольствием их посещали. В то же время материал излагался им очень просто. Несмотря на то, что этот предмет был для нас одним из самых сложных, мы его полюбили. Это можно объяснить только способностью лектора заставить слушателей убедиться в том, что они обладают возможностью этот материал освоить. Мы, курсанты, с большим уважением, я бы даже сказал теплотой, относились к Артемию Павловичу. Абсолютно все писали конспекты, хотя по другим дисциплинам некоторые это не делали. В аудитории всегда была абсолютная тишина. В нашей группе на экзамене все курсанты получили отличные и хорошие оценки. Троек не было.

Характерной чертой Артемия Павловича была доброжелательность. Он был сравнительно небольшого роста, худощавый с лицом, на котором всегда чувствовалась какая-то грусть. Возможно, это было после гибели во время войны его единственного сына, который учился в Военно-морском училище им. Фрунзе и погиб во время войны. Сведения о его гибели были разные. Либо во время перехода нашего флота в августе 1941 года из Таллинна в Ленинград, либо во время блокады Ленинграда при эвакуации через Ладожское озеро. Сведения о месте гибели сына Артемия Павловича мною получены не от него самого, поэтому они точными быть не могут. Уже в последующие годы, занимаясь научной работой, я имел возможность ближе познакомиться с Артемием Павловичем и его семьей. О некоторых встречах с этим ученым расскажу в следующем разделе своих воспоминаний.

Я уже в своих воспоминаниях упоминал имя крупного ученого-моряка, вице-адмирала Николая Николаевича Матусевича. Последние годы своей жизни он был начальником кафедры судовождения в Ленинградском высшем мореходном училище и начальником кафедры мореходной астрономии в нашем. Мне не пришлось слушать его лекции. Он умер в 1950 году. Рассказывали, что он был замечательным лектором. Как я уже писал, занимаясь в научном обществе курсантов, мне пришлось познакомиться с его научными трудами в области теории радиопеленгования. Поэтому я старался хотя бы увидеть этого ученого в коридорах нашего училища. Несколько раз мне это удавалось.

Жизненная судьба этого ученого напоминает судьбы других ученых-морских, которые работали в нашем училище. Н. Н. Матусевич родился в 1879 году. В 1898 году окончил Морской кадетский корпус. В 1904 году Морскую академию. Рассказывали, что он принимал участие в морских сражениях с японской эскадрой во время Русско-японской войны в 1905 году. В 1909 году он окончил математико-механический факультет Петербургского университета, а в 1911 году имел стажировку в Главной астрономической обсерватории в Пулково. Мне известно, что Н. Н. Матусевич был многие годы начальником кафедры гидрографии в Военно-морской академии, а с 1933 года также заведовал кафедрой астрономии в Гидрографическом институте. Николай Николаевич Матусевич можно считать одним из основоположников нашей

отечественной науки в области судовождения и мореходной астрономии. Под его руководством были проведены гидрографические экспедиция в Белом море и других северных морях.

Вспоминаю и его похороны. Нашу группу курсантов направили для участия в этой похоронной процессии. Больше таких похоронных процессий мне видеть не приходилось. Если я правильно помню, гроб с телом Н. Н. Матусевича был установлен на белом высоком катафалке, в который было запряжены четыре, а может быть и шесть белых лошадей. Похоронная процессия проследовала от Адмиралтейства по всему Невскому проспекту, затем по Литовской улице к Волковскому кладбищу. Здесь профессор Н. Н. Матусевич и был похоронен.

Во время обучения на втором и третьем курсах нам приходилось много работать на различных строительных работах в училище. Так мы участвовали в строительстве пятого этажа здания и бетонного забора вокруг территории училища. Этот забор строился по инициативе заместителя начальника училища по военно-морской подготовке. Его фамилия была Настусевич. Поэтому этот забор среди курсантов именовался, как «линия Настусевича».

До настоящего времени я с опаской захожу в одну из аудиторий на пятом этаже. Причина очень простая. В процессе строительства мне пришлось укладывать железные балки для крепления потолка. Одна из этих балок встала на опору очень небольшой своей площадью. Об этом я сказал прорабу. Он ответил, что я должен балку установить и не вмешиваться не в свое дело, а балка будет стоять прочно. Балка стоит до сего времени. Прораб оказался прав. Времени прошло уже много. Но кто знает, ведь зданию еще стоять и стоять.